

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**ЖИЗНЕПОДОБИЕ ВМЕСТО ЖИЗНЕННОСТИ:
РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЫТ В ОЦЕНКЕ
Е. ЗАМЯТИНА****К. И. ШАРАФАДИНА**
Санкт-Петербург

В статье первая повесть Е. Замятина «Уездное» (1912) трактуется как эстетическое выражение концепции национального русского быта и оценка результатов и перспектив его исторического развития. Автор приходит к выводу, что мифологические и иные параллели, прилагаемые писателем к русскому национальному быту в поисках основ национального бытия, обнаруживают бесперспективность его жизненного содержания, замену жизнеподобием.

Ключевые слова: *Е. Замятин, повесть «Уездное», провинциальный текст, мифопоэтические аллюзии, Эдем, Китеж.*

Кризис современной цивилизации, кроме политической и экономической сфер, кардинально затронул и сферу духовную, поменяв вектор развития Человека как родового существа: от «человека разумного» и «человека играющего» к «человеку потребляющему».

Русская литература со свойственной ей пророческой миссией предупреждала о такой перспективе еще в начале 20 века, констатируя выхолащивание жизненного содержания из традиционных форм национального быто/бытия. К числу таких пророков в своем Отечестве, которых, по пословице, не хотят слышать, принадлежит Евгений Замятин.

Писатель увидел в русском быте чреватую деструктивным развитием двупостасность, недаром выбрав для его метафоризации образ среднерусской провинции. «Тамбовское поле. Кому не случилось идти бескрайним тамбовским полем? Ширь, удаль, размах, и самое солнце затерялось, и так заливается какой-то жаворонок малюсенький, и далеко, на самом краю, сияют кресты: там – город, такой же, должно быть, широкий и вольный город построил себе тамбовский люд. А прийти в город – все оборванное, облупленное, грязное, и посреди города в луже свинья» [2: 135].

Провинциальный город становится в его художественном миромоделировании частью национального космоса, а важнейшим компонентом модели народного бытия выступает «сконцентрированный, устоявшийся веками, крепчайший, девяностоградусный» быт [3: 359].

Уже первая повесть Замятина «Уездное» (1912) содержала эстетически выраженную концепцию национального русского быта и оценку

результатов и перспектив его исторического развития.

Онтологический масштаб картин жизни провинции определяется у писателя мифопоэтической природой этой реальности, восходящей как к апокрифическим, сказочно-легендарным «изводам» общеизвестных мифологем, так и к исконно русским, религиозно-патриархальным основам национального уклада жизни, хотя и обретшим уже травестийно-пародийные формы.

Поэтика заглавия повести, обозначающего принятую в дореволюционной России административно-территориальную единицу, восходит к общеславянской этимологии корня –здъ– («путь, дорога») и значению устаревшего просторечного глагола с этим корнем – «уездиться», то есть «стать укатанным, утрамбованным». Его своеобразная «безличность», отсутствие соотносимости с чем-либо конкретным прочитывается как иносказательный эквивалент жанровой ориентации произведения Замятина – на хронику (если не летопись) жизни русской провинции, усиленной присутствием в авторском повествовании сказовых интонаций.

Собственно быт предстает перед читателем многолико-пестрым, распадающимся на множество сочных деталей, колоритных особенностей, составляющих вспомнить Гоголя и Островского: от описания гастрономических пристрастий провинциалов («что за провинциальная манера делать все жирным»), распорядка дня («летом в четыре часа... никто из хороших людей на улицу и носа не высунет: с полной утробой сладко спится после обеда») до характеристики вкусов («Мы тебе вместо пельсина (апельсина, выросшего из косточки. – *К. III.*) ерань купим. Ерань ...она духовитая...») и развлечений («быть со всеми, орать как все, колотить, кого все») [4: 84, 63, 57, 81].

Но в то же время провинциальная повседневность строго иерархична и упорядочена: бытовые ритуалы (базарный день, банный день, «святой обеденный час») чередуются в ней с диктуемым общественным мнением строгим следованием событиям литургического годового цикла и отправлением соответствующих церковных обрядов: «А Анфим-то Егорыч с Полькой? Чать, и им бы надо под Ильин-то день ко всенощной сходить?» [4: 60].

Географические координаты этого мира двоятся: они то вполне реальны: «судебная палата была в «соседнем городе», ветер подул «с севера», от монастыря, то приобретают условные, чуть ли не сказочные масштабы: «далеко гдей-то в большом городе»; «Только по таким заплесневелым местам... теперь на Руси и умеют по-старинному пироги печь» [4: 46, 83].

Так быт предстает в оценке Замятина еще освященным национальным преданием и традицией, но уже с чертами формализованного ритуала, вызывающего горькую авторскую иронию: «Постом великим все злющие ходят, кусаются – с пищи плохой. А придет Пасха – и все подобреют сразу: от кусков жирных, от наливок, от колокольного звона. Подобреют: нищему вместо копейки – две подадут...» [4: 79].

Мифопоэтические аллюзии этого мира на ветхозаветный Эдем как сим-

вол изначальной гармонии и утопически-легендарный град Китеж (русский вариант средневековой идеи «земного рая») заявлены текстуально: «рай был огромный сад»; «мы вроде как во град-Китеже на дне озера живем» [4: 46, 78]¹. Попутно они аргументируются оппозицией «Вавилону» как городу, посмевавшему тягаться с Богом: «Это уж пусть себе они там в Вавилонах с ума-то сходят. А нам бы как поспокойней прожить» [4: 78].

Поддержаны эти аллюзии и мифопоэтической смысловой перспективой сюжета, связанного с центральным персонажем, Антоном Барыбой. Его путь от вдовьего «потешника» до полицейского унтера – провинциальный фарс, разыгранный по узнаваемым мотивам: «грехопадение» и «воскресение», «преображение». Он дополнен библейским мотивом «возвращения блудного сына», правда, эпитет «блудный» в отношении к персонажу приобретает откровенно физиологический смысл, а «возвращение» оказывается несостоявшимся. Сравним: «И вдруг весь затрясся старик (отец Анфима. – *К. III.*) и завизжал, забрызгал слюной. – Пошел во-он, вон! Очумелый, вытаращил глаза Барыба и стоял долго, никак не мог понять...» [4: 90].

Таким образом, мифологические и иные параллели, прилагаемые писателем к русскому национальному быту в поисках основ национального бытия, обнаруживают бесперспективность его жизненосного содержания, замену жизнеподобием: недаром Горький расслышал в повести «тоску» и «крик» молодого автора [5 : 320]². Те формы, в которых он продолжает себя осуществлять, стали жутковатой самопародией, и не застывшей, а способной развиваться и далее: «Может, и дикий, может, и страшный, а все же лад» [5 : 45].

Осмысленный Замятиным через мифологемы Эдема и Китежа как образов изначальной, но утраченной гармонии, русский национальный быт видится ему безобразно и страшно преображенным, формализовавшим, ритуализировавшим, чуть ли не автоматизировавшим свои основные отправления, застывшим в симбиозе непросветленно плотского и угасающе духовного: здесь «жизнь, кажется, остановилась ... как будто прижатые камнем, бьются и не могут выпрямиться люди» [6: 6].

Так прогноз дал Замятин или поставил диагноз? В. Вейдле через полстолетия размышлял: «Родилась ли вообще Россия, или так и пронежилась тысячу лет в материнском лоне, так и не вышла до революции из предрассветного, утробного бытия? – Разве и впрямь не дремала она, содрогаясь, вскрикивая и бормоча, но не открывая глаз до страшного пробуждения, и то лучшее, что родилось и взшло на ее просторах, не приснилось ли ей оно и не забудет ли она его так же неизбежно, как все мы забываем среди дневных дел ночные сны?» [1: 133].

Его вопрос до сих пор ждет ответа.

Примечания:

¹ Ср. продолжение цитаты о Китеже: «В то же время ничегошеньки у нас не слышать, над головой вода мутная да сонная. А наверху-то все полыхает, в набат бьют».

² Տր.: «...этот "Городок Окуров" – вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком...» [5: 320].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
2. Замятин Е.И. Записные книжки. М., 2001.
3. Замятин Е.И. Сочинения: в 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4.
4. Замятин Е. «Уездное» // Замятин Е. Избр. произведения. М., 1989
5. Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992.
6. Шкловский В.Б. О рукописи «Избранное» Евгения Замятина // Е.И. Замятин. Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. М., 1989.

**ԿՅԱՆՔԻ ՆՍԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿԵՆՍՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽԱՐԵՆ. ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ԱԶԳԱՅԻՆ ԿՅԱՆՔԸ ԵՎԳԵՆԻ ԶԱՄՅԱԹԻՆԻ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՄԵՋ
Կ.Ի. ՇԱՐԱՖԱԴԻՆԱ
Սանկտ Պետերբուրգ**

Հոդվածում Եվ. Զամյատինի առաջին վեպը «Ույեզդնոյե» (1912) մեկնաբանվում է որպես ազգային կյանքի գեղագիտական արտահայտություն և գնահատվում են պատմական զարգացումը և հեռանկարները: Հեղինակը գալիս է այն եզրակացության, որ գրողի կողմից ազգային կյանքի հիմքերը որոնելու համար արձակագիրը կիրառում է դիցաբանությունը և տարբեր զուգահեռների շնորհիվ բացահայտում ազգային կենսական բովանդակությունը:

Բանալի բաներ՝ Եվ. Զամյատին, վիպակ «Ույեզդնոյե», գավառական տեքստ, առասպելական ակնարկներ, Եդենի պարտեզ, Կիտեշ:

**Like Similarity instead of Vitality: Russian national life in of
E. Zamyatin's evaluated
K.I. SHARAFADINA
St. Petersburg**

In the article the first novel by E. Zamyatin "Uyezdnoe" (1912) is interpreted as an aesthetic expression of the concept of national Russian life and an assessment of the results and prospects of its historical development. The author comes to the conclusion that the mythological and other parallels applied by the writer to Russian national life in search of the foundations of national life, reveal the futility of its vital content, the replacement of life-like.

Key words: E. Zamyatin, the story "Uezdnoe", a provincial text, mythopoetic allusions, Eden, Kitez.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 28 февраля 2017 г., подписана к печати в номер 2 (111) / 2018 26.12.2017.